F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. III, zesz. 2 (12): *krobia—krzepnąć*.

Kraków, 1967

Публикация периодически рецензируемых нами частей этого известного словаря подвигается прежними темпами: один выпуск в год. Настоящий выпуск охватывает следующую часть словника на букву *K* (стр. 113—224 тома III). В общем прежними остаются и принципы словаря. О них уже неоднократно говорилось раньше, и здесь не имеет смысла повторяться. Остановимся поэтому ниже только на том, что характеризует именно данный выпуск словаря, на конкретных вопросах трактовки и этимологизации отдельных слов.

Словарь Славского отличается аналитической трактовкой словообразовательно расчлененного словника. Некоторое нарушение в сторону допущения гнездового способа видим на примере слова *krochmalić*, специально объясняемого и соотносимого с непольскими формами и вместе с тем помещенного под заглавным *krochmal*. Русск. *крáтный*, укр. *крáтний* перечисляются без комментариев в ряду других форм, родственных польск. *-krotny* (см. стр. 117 словаря), тогда как это церковнославянизмы, книжные заимствования в лексике литературных восточнославянских языков.

Если говорить о дальнейшем родстве польск. *krok* 'шаг' и праслав. **korkъ/*korakъ/*krokъ*, то необходимо указать на лтш. *kaŕcinât* 'трясти', *kaŕcinêt* 'сидеть болтая ногами', что открывает возможность более глубокого проникновения в этимологическую структуру слав. **kor-k-* (см. об этом еще в ZfS IV, 1959, стр. 83—84). Мнение автора на стр. 123 о родстве слов *krok* 'шаг' и *krokiew* 'кровельное стропило' едва ли основательно, потому что *krokiew* (праслав. **kroky, -ъve*) нельзя отрывать от однокоренных, по всей видимости, образований с разными суффиксами, обозначающих разные опорные рамы и станины: **kroma, *krosno, *kreslo/*krěslo*.

В плане относительной хронологии образований рискованно ставить в один ряд как производные со славянским суффиксом *-no* такие имена, как *runo, sukno, dno, siano*, а также *krosno* (см. стр. 139). Оставляя здесь в стороне *krosno*, мы не можем не обратить внимания на разность остальных образований, из которых в одном случае правильнее говорить о праславянском *-ъno* (а не *-no*) — *sukno*, в двух других речь должна вестись вообще о дославянских истоках образования (*dno, siano*).

С другой стороны, нельзя не отметить примеров удачного использования новых материалов по лексическому составу польских народных говоров. Так, диал. (мазовецк.) *króda* 'груда снопов, копна в поле' (из словаря Куцалы) убедительно включается в один ряд таких славянских форм, как ст.-чеш. *krada* 'ignitabulum', русск. -цслав. *крада* 'куча дров, костер', укр. диал. *корóда* 'сильно сучковатое дерево', словен. *kráda* 'куча дров'. Автор правильно реконструирует праславянское дометатезное состояние **korda* (правда, о нем, помимо польской формы, не менее убедительно свидетельствует зап.-укр. *корóда*). Славский предпочитает сближение праслав. **korda* с нем. *Herd* 'очаг' и родственными германскими формами, отклоняя сравнение, например, со ср.-в.-нем. *rāze* 'куча дров' (< **krēdā*) только на том основании, что плавный здесь занимает несколько иную позицию. Не спеша решить вопрос окончательно, мы хотели бы обратить внимание на возможность здесь более широкой интерпретации, потому что при отдаленно родственных соответствиях вариантность, отклонение в позиции такого специфического звука, как плавный внутри слова, представляет собой нечто вполне допустимое. Во всяком случае это обстоятельство не исключает мысль о родстве этих слов. Примеры разной позиции плавного есть внутри германского, ср. известную пару нем. *Roß* (с утратой начального *h-*) : англ. *horse*. К тому же Славский допускал аналогичную вариантность позиции плавного и в славянском материале, ср. его суждения об отношениях **krokъ* : **korkъ* и **kortiti* : **krotiti*, изложенные в соответствующих статьях этого словарного выпуска.

Непонятно, что побудило автора производить диал. (кашуб.) *kruszcz* 'руда, металл' от особого праслав. **krušču* < **krustъ* + *-jь*. Естественнее объяснить *kruszcz* как местное продолжение древнего **krušьcь*, представленного и в польск. *kruszec* (с тем же значением) и в других славянских языках.

Польск. диал. *krzeszczeć* 'о крике курицы' удачно связывается с южнославянскими — с.-хорв. *krijèštati*, болг. *крещя́* 'кричать' — вокруг праслав. **krěščati*. Самостоятельность и ранний характер этого образования говорят как будто против того, чтобы рассматривать его как одно из второстепенных производных под заглавным словом *krzeczeć* 'кричать, каркать, стрекотать'. Ср. более близкие к последнему *krzekać*, *krzekotać*, *krzektać*, которые рассматриваются в особых статьях.

Думается, что особая реконструкция праслав. **kremyšьkъ* для польск. *krzemyszek*, н.-луж. *kšemyšk* 'кремень, кремешок' излишня. Здесь *-š-* произошло диссимилятивным путем, и для этих случаев действительна та же праформа **kremyčьkъ* (уменьшительное от **kremykъ*), что и для польск. *krzemyczek*, с.-хорв. *kremíčak* (см. стр. 217 данного выпуска).

О. Н. Трубачёв.

Э. М. Ахунзянов. Русские заимствования в татарском языке

Изд-во Казанского ун-та, 1968, 367 стр.

В книге Э. М. Ахунзянова подведен итог разысканий автора в области изучения слов, проникших из русского языка в татарский литературный язык и его многочисленные диалекты, показано воздействие русского языка на татарскую лексику в течение всего длительного периода взаимодействия этих двух языков. Во Введении автор говорит о типах языковых контактов и их результатах в разных языках. Давая определение терминов «заимствование» и «заимствованное слово», Э. М. Ахунзянов следует в основном за Л. П. Крысиным [1], особое внимание уделяя социологическому и публицистическому аспекту изучения путей проникновения русских слов в татарский язык на разных этапах взаимодействия русского языка с татарским, выделяя для специального рассмотрения слова, вошедшие в татарский язык до присоединения Татарии к Московскому государству. Жаль только, что при анализе этих древнейших заимствований автор не учитывает их наличия в соседних языках. Так, говоря о древнем проникновении в татарский язык русского, теперь диалектного названия грибов — *губа*, которое в татарском языке отражено с носовым согласным *м* перед *б* — *гөмбә*, что Э. М. Ахунзянов считает несомненным признаком заимствования из древнерусского языка того времени, когда в языке у восточных славян еще существовали носовые гласные, т. е. слово произносилось тогда с носовым гласным *ǫ*, Э. М. Ахунзянов, однако, не учитывает той возможности, что к татарам это слово могло попасть не прямо от восточных славян, а через посредство других языков, которые заимствовали это слово у восточных славян гораздо раньше татар и сохранили носовой согласный; ср. названия грибов: чуваш. *кӑмпа* и коми-зыр. *гоб*, удм. *губи* (с поздним выпадением носового согласного перед *б* на пермской почве), мар. *понго*, эрзянск. *панго*, мокш. *панга* (с метатезой *к—б* > > *п—г*, оглушение начального согласного и озвончение согласного между

[1] Л. П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968. — Э. М. Ахунзянов, впрочем, использует более ранние публикации Л. П. Крысина. Ср. также тщательный пересказ предложенной О. Н. Трубачевым этимологии слова *баран* на стр. 79—81 рецензируемой книги.